

ИТОГ ЖИЗНИ АКАДЕМИКА ДРОНОВА

«ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ» С. АЛЕШИНА
В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Красноватый свет затененной лампы вырвал из мрака проворные руки медицинской сестры... Тревожно закинула пустая ампула, и холодное жало шприца обратилось к стороне закрытой двери. Мы еще не видели того, кто скрыт за этой дверью. Еще ничего не сказано, а уже в душу вошла тревога за человеческую судьбу, за жизнь человека. Так начинается спектакль Московского Художественного театра «Все остается людям», так мы, зрители, входим в дом академика Дронова. Этот человек, не шадивший своего сердца, — один из тех, кто создал сердце ракеты — двигатель, сообщавший ей скорость и волю вырваться из плена земного притяжения.

«Люди, открывшие дорогу в космос! Им рукоплещет все человечество, они гордятся советский народ».

И вот мы видим одного из этих замечательных людей. Театр переносит нас на восемь месяцев назад, прочь от того тревожного дня, с которого начинается спектакль, и мы видим героя в самом главном из всех человеческих деяний — в труде. Показать на сцене творческий процесс, сделать зрителей свидетелями научного поиска чрезвычайно трудно, но артисту В. Орлову это удалось. Сцена, где Дронов работает в тиши своего кабинета, упрямо склонившись над листами проекта, — одна из самых волнующих в спектакле. С большим тактом вводит нас артист в духовный мир настоящего ученого. И постепенно перед нами возникает образ человека пытливого ума, большой воли, душевной широты.

Раскрытие внутреннего мира Федора Алексеевича на многом способствует образ его жены, тонко и вдохновенно сыгранный С. Пилиавской. Глухота этой женщины, потерявшей слух во время войны, словно еще больше подчеркивает и оттеняет ее душевную чуткость. Сдержанно, даже скуп

распоражается актриса имеющимися у нее художественными средствами, и образ Натальи Дмитриевны приобретает не только выразительность, но и особую доверительную заданность, какую-то будничную, повседневную глубину, которая оказывается неизмеримо дороже праздничных, ярких всплесков много сценического характера.

Итак, автору пьесы С. Алешина и артисту В. Орлову, несомненно, удалось главный герой. Кроме того, во многих сценах спектакля (к примеру — в первой) проявились лучшие приметы творческой манеры Художественного театра. Как будто победа театра обеспечена? Однако... Приходится употребить это досадное слово «однако».

«Мы знакомимся с Дроновым в трудную для него пору. Федор Алексеевич болен, очень болен, перед ним встает вопрос: кому передать стасфету открытий и поисков, кто продолжит начатое им? Эта проблема приобретает в пьесе и спектакле несомненный психологический, персональный характер. В заветной папке, где, по словам Дронова, собраны его мечты и проекты, на осуществление которых потребуются «не менее ста лет».

Кому вручить заветную сияющую папку? И вот здесь за Дроновым — Орловым мы начинаем всматриваться в лица окружающих его людей, учеников и соратников, ловим их взгляды, стараемся проникнуть в их души. Вот Алексей Вязьмин. В исполнении Ю. Пузырева это — талантливый молодой ученый, названный до детской непосредственности. Он беспомощен, когда, сняв очки, не видит близорукими глазами мчащегося на него автомобиля. Так же не защищен он от зла, коварства, незаслуженной обиды... Дорог Дронову этот его ученик, очень дорог. Но у Вязьмина слишком слабые руки, чтобы принять, а главное, удержать принятое наследство...

«Смотри, успели поместить некролог о Вязьмине в очередной номер», — говорит, разворачивая журнал, другой ученик Дронова — Виктор Морозов. Артист Г. Колчицкий открыто и даже несколько прямолинейно рисует образ черствого зловста, ловкого и скользкого. Нет, не ему владеть

заветной папкой учителя...

Кому же? Третья ученица Дронова — Ксения Румянцева. Ей-то и достается стасфета, на нее возлагается миссия нести дальше знания научных открытий и свершений.

Кто такая Румянцева? По характеристикам, которые ей дают другие действующие лица, это талантливый ученый, обаятельная женщина. Но ни автор пьесы, ни исполнители этой роли Т. Леникова отнюдь не убеждают нас в этом. Видимо, Румянцева — энергичный человек, непохожий организатор. Вместе с тем она суха, расудочна. Холодно объясняет она альбому, что в нее Вязьмин, что он ей не пара. Затем в порыве некоторой душевной размятченности великодушно соглашается быть его женой... И тут же, по первому навету, незаслуженно казнит слабого человека, имевшего несчастье полюбить ее, становится чуть ли не виновницей трагической случайности, обрвавшей жизнь Вязьмина. К тому же роль Румянцевой — явная неудача актрисы Лениковой, играющей претенциозно и нарочито, что вносит в спектакль чуждую ему ноту психологической неправды.

Нет, не такого человека хотел бы видеть зритель преемником трудов и жизни академика Дронова. Вероятно, за тесным кружком трех учеников Федора Алексеевича подразумевается большой мир советской науки. Сам Дронов вскользь говорит об этом: «Найдутся люди, но хотелось бы лично вручить папку». Но не чувствуем мы дыхания этой большой жизни в спектакле. И вот в итоге, вероятно, неожиданно для автора и театра, возникает трагедия одиночества большого ученого. Очевидно, ни автор, ни театр не собирались создать эту трагедию. Ведь и пьеса как будто не о том, недаром она называется «Все остается людям». Но где они? Достойных-то людей около Дронова и не оказывается...

Все остается людям... Да, вопрос духовного наследия, преемственности дел, помыслов, свершений имеет в спектакле подлинно общественное звучание. Недаром в числе действующих лиц есть священник, отец Серафим, с которым академик ведет принципиальный спор. В талантливом исполнении Ю. Колыцова отец Серафим становится сильнейшим идейным противником Дронова, это убежденный и, надо сказать, убеждающий своей мягкой силой и глубокой уверенностью проповедник христианского учения. Да, Дронов — Орлов с его открытой и смелой силой, с активным темпераментом разбивает тезисы отца Серафима своей логикой, убежденностью ученого-материалиста: «Нет никакой потусторонней силы. Все остается людям — и хорошее, и плохое. И в этом мое бессмертие или мое забвение. Но разве забыть задумчивое и сосредоточенное лицо отца Серафима — Колыцова, его глухой, неторопливый голос, с глубочай-

шей уверенностью произносящий вкрадчивые и чем-то даже увлекательные сентенции, которые вложит в его уста писатель? И вот спор, в котором логически, разумно одерживает победу Дронов, как ни странно, лишь подчеркивает его одиночество и серьезность столкновения со служительским перлом, из которого ему не так-то просто было выйти победителем.

Какие же еще люди окружают Дронова? Академик Моргунов, который как будто принимает участие в судьбе изобретения Дронова, но в чем это участие выражается, не очень ясно. Моргунов, правдивый и даже обаятельный, все же запоминается в спектакле главным образом путlivым рассказом о своих семейных перипетиях. Здесь нет вины артиста В. Готцаева, просто драматург не написал для него роли. Этот же упрек может быть отнесен и другим ролям пьесы — Филимонова (арт. Я. Лакин), Сизова (арт. С. Сафонов), Зины (арт. А. Комолова), Нади (арт. С. Батаалова). Исполнителям просто нечего делать, они выполняют чисто служебные функции. А вот артисту В. Пушкареву, играющему маленькую роль работника управления Тропкина, хочется посоветовать найти другие краски, ибо образ, созданный им, умстен, пожалуй, в сатирическом обзоре, но совершенно выпадает из спектакля.

Правда, есть в спектакле и характеры более выразительные, запоминающиеся свое, пусть небольшое, но нужное место в общем ансамбле. Это Ася Давыдовна в исполнении К. Ивановой, секретарша Дронова — С. Гурель, мать Вязьмина — А. Коломийцева. Артисты тепло и проникновенно ведут свои роли. Но не этим героям, естественно, может быть вручена стасфета поисков, открытий и свершений, не эти образы решают идейно-тематическую задачу пьесы.

В спектакле нет эффектных мизансцен, броских деталей. Постановщик Г. Конский и режиссер Ю. Недавицкий все усилия направляли на создание атмосферы будничной деятельности, на передачу напряженного ритма творческой жизни. И это удалось. То, что они не подчеркивают специально драматические обстоятельства пьесы, делает ее, возможно, более человечной, без излишнего балласта мелодраматизма. Л. Силич создала простые и хорошие декорации, которые помогают зрителям сосредоточить все внимание на главном, на человеческих взаимоотношениях. Она мягко и умело пользуется светом, как активным компонентом атмосферы спектакля. Удачно найденная деталь — ветка дерева за окном, то по-зимнему обнаженная, то покрытая сочной листвой, не только передает движение времени, но и становится художественным образом, утверждающим вечность жизни в ее непрерывном обновлении.

И все же, когда мысленно обращаемся к только что завершившимся на сцене событиям, невольно в память заплывает тревожащая одна мысль. Как же это? Только что на сцене умирает большой человек. Умирает в душевном одиночестве. И люди, окружавшие его, пассивно, со слезами, а то и равнодушно сведли за этой постепенной гибелью большого ученого, и некому было ему завещать дело своей жизни! Нет, совсем иные проблемы выдвигает наша жизнь перед советскими учеными. Нет, совершенно другие трудности преодолевают они, работая во славу Родины!

Аркадий КЕСЛЕР.

Дронов — артист В. Орлов (справа), Вязьмин — артист Ю. Пузырев.
Фото В. ЕГОРОВА (ТАСС).